

Николай Бершицкий

*Записки
дорана*

Записка вторая: Город садов

Николай Бершицкий

**Записки дорана. Записка
вторая: Город садов**

«Издательские решения»

Бершицкий Н. О.

Записки дорана. Записка вторая: Город садов /
Н. О. Бершицкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968700-5

Позади остался опасный путь, но Нуаллан не был рад в его конце. Деревня Бога-Фроис, его родной дом, была почти полностью уничтожена. Забрав дневник растерзанной проклятыми сестры, в котором отныне начал вести свои записи, доран и верная Глинис идут в Суг-Меаса, город садов и магии, пробиваясь сквозь тени Адарсаха. Лишь там теплится слабая надежда, туда ушли все, кто смог... Но Нуаллан даже не подозревал, что будет ждать его по дороге, не знал, что новый враг восстал на пепелище тайного мира.

ISBN 978-5-44-968700-5

© Бершицкий Н. О.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	9
3	12
4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Записки дорана Записка вторая: Город садов

Николай Олегович Бершицкий

© Николай Олегович Бершицкий, 2019

ISBN 978-5-4496-8700-5 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-8701-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Кривая песчаная тропинка виляла вдоль леса, мимоходом забегая в его владения, огибала группы тонких, изящных березок, и весело ныряла под холмы. Первые робкие бабочки настороженно порхали над понурившими головы в ярких кокошниках цветами. Но запах гари и тлена отгонял их от пропитанной кровью земли, след войны был слишком свеж, чтобы не замечать его. Нахлобучив капюшон от безжалостных лучей белого солнца до самого носа, по дороге брел эльф. За ним семенила его спутница с посохом в руке. Воин из племени доранов-изгнанников с тонким шрамом от клинка на щеке сильно устал после продолжительного безостановочного пути, поэтому опирался на убранный в ножны дха – длинный меч с длинной же рукоятью без гарды и чуть загнутым лезвием. На поясе у него покоился кинжал в чехле, за плечами болталась пыльная дорожная сумка, почти уже опустевшая. Дорога до легендарного города тысячи садов, Суг-Меаса, занимала не более двух дней пешего пути, считая от поселка Бога-Фроис, откуда двое путников выступили в опасный поход, но им пришлось сделать крюк, зацепив часть леса. Нуаллан, так звали дорана, был вынужден покинуть отряд баннерета Гиллагана, отряженный для зачистки окрестностей Суг-Меаса, и теперь баннерет не будет рад встрече. Нуаллан же сторонился командира не только из страха попасть под суд Лехри, но и из стыда. Никогда бы он не изменил ни слову, ни родине, если бы не опасался за судьбу семьи, давно покинутой им из-за ритуального изгнания и чудом спасшейся из когтей демонов. Правда, чудо не всем улыбнулось, половина родни изгнанника навсегда осталась в земле Бога-Фроис, разве что до тех пор, пока их души не пробьются на свет новыми ростками вечной зелени Аллин-Лирра. Солнце встало в зенит, припекая голову уже через нагретый капюшон.

– Эх, пора бы и привал устроить, – вздохнул Нуаллан, высмотрев из-под ладони холмистый горизонт, на котором грубо narосли развалины стен Суг-Меаса.

Отсюда они казались близкими, но по жаре и пыльной дороге идти придется еще до вечера, даже без остановок. Если бы тогда в лесу группа духов Адарсаха не сбила их с толку, заставив поплутать, Нуаллан и Глинис, штатная целительница из отряда Гиллагана, были бы на полмили ближе.

– Я бы не отказалась глотнуть воды, – кивнула девушка, стряхивая с плеча котомку. – Интересно, остались в Суг-Меаса хваленые персиковые сады? Набрать бы в дорогу персиков...

– Почему ты думаешь, что наш путь там не закончится?

– А обратно? Возвращаться-то надо.

– Как найдем моих, я сдамся Фойртехерну и его ребятам, а ты скажешь, что я силой увлек тебя. Тебе поверят.

– Глупый план, – покачала головкой с густой «соломенной» косой эльфийка. – Ладно, придумаем, как выкрутиться на месте.

Нуаллан возражать не стал. Они отошли с дороги под сень синеватых елей, там же, на мягком ковре из коричневой хвои валялись старые, поросшие мхом валуны. Выбрав из них самый подходящий, доран установил на нем суму, извлек остатки припасов и воды, а заодно потертую книгу. На лубяной обложке с черными матерчатыми углами отпечатался кровавый след от ладони бывшей владелицы дневника, приходившейся Нуаллану сестрой. Чернила и перо находились рядом, и прежде чем приступить к обеду, доран черкнул пару предложений на желтоватую страницу.

Глинис в это время занялась нарезанием мясистых грибов, которые эльфы обычно ели сырыми, и разделением их на порции. Вместо тарелок сошли плотные листы, а стол вышел из того же валуна, когда Нуаллан закончил описывать краткий отрывок лесного приключения с участием нежити. Солнце пятнами ложилось на камень, траву вокруг него и трапезничающих

путников, птицы кое-где выдавали неуверенную трель, перелетая на новое место сразу после этого. Из их разговоров доран мог понять, что они прилетели из лесов у подножья Оленьих гор, памятуя о голодных бесах, осевших в тех краях, пичуги продолжали бдеть и здесь. Но ему не шли в голову дурные мысли, день был так хорош, а Глинис делала его еще краше. Битва под стенами стольного Эльтвиллана осталась далеко позади, и чем больше времени проходило, тем нереальнее становились воспоминания о тех жутких днях и ночах под осадой, о самой войне с демонами, неожиданной, как луч солнца во время грозы и стремительной, точно смерть от стрелы, пронзившей сердце. Там, за лесами и реками, осталась земля, пропитанная кровью, словно губка, и павшие братья, а впереди – новая дорога и бессмертная надежда. Нуаллан потянулся и прилег возле дерева, ветви заслонили изгнанника от солнца, его поклонило в сон.

– Устал? – заботливо спросила Глинис, роясь в своем узелке.

– А ты нет?

– Шутишь, – засмеялась целительница, – я на подъем легкая, могу вдвое больше без отдыха пройти! А как шрам?

– Иногда зудит, – Нуаллан потер след от демонического меча, знай он, кто наградил его этой отметиной, он, верно, порадовался бы, что остался жив. – Но в основном тогда, когда рядом проклятые или мертвые, даже удобно, хех.

– Ну вот, везде можно найти положительную сторону, – лучезарно улыбнулась девица. – Ты постереги вещи, а я пройду по полянам, соберу трав на мази и настойки. Вряд ли все демоны ушли из Аллин-Лирра...

Голос Глинис постепенно удалялся – и чего она говорила со спутником, когда тот остался далеко? – а вскоре смолк полностью. Эльфийка бесшумно проскользнула в кусты, и доран опустил веки. Ему даже как-то не пришло на ум, что в окрестностях может быть небезопасно. И опасаться стоило не только демонов, не успевших еще отойти от разгрома под стенами столицы, или бездумных слуг Спящего Лорда, заблудившихся в чужом мире. Нуаллан запомнил людей среди банды, мародерствующей в его деревне. Лехри принял спорное, но вынужденное решение – пригласить наемников из Внутреннего Мира, среди них оказалось немало мерзавцев, разбойников и откровенных дикарей, способных даже с демонами найти общий язык и сговориться. Только уж слишком умиротворенно выглядел день, пение птиц напоминало о лучших временах, когда Нуаллан еще жил в этих краях – а ведь от родного Бога-Фроис до Суг-Меаса опять же было пару дней хода, – когда советник королевы Лен не посетил еще его деревню. Доранов отбирали по случайному жребию, без учета сана, звания, рода, физических или умственных способностей. Не брали детей и их матерей, если больше некому было следить за малютками, остальные подлежали отбору в отведенный год. Пожалуй, изгнание представлялось единственным серьезным несчастьем для жителей благодатного Аллин-Лирра, не знающих нужды и страха. Вчера ты мог жить размеренной жизнью земледельца, коим был тот, другой Нуаллан, и вот тебя гонят из дому в дальние миры. Но за все приходится платить, бессмертие и отсутствие опасностей и болезней вынудило королеву Лимаэль учредить ритуальное изгнание. Только так можно было предотвратить мор от голода, перерождение и новый мор. Специально для вечных мук существует Преисподняя и растущие из нее Темные Царства, Аллин-Лирр – колыбель жизни...

В те деньки, когда речи не шло об изгнании, Нуаллан с товарищами совершал пешие прогулки до Города садов, ночуя под открытым небом, иногда нарочно продираясь через лесной бурелом. Проблем и тягот не существовало, вот парни и испытывали себя сами, сложно жить без приключений, даже если ты высокорожденный потомок богов. Да, ностальгия ласкает душу, но доран не знал, согласился бы променять на благодать лет минувших нынешние трудности. Как-никак жизнь научила его их преодолевать. Такова уж сущность смертных (хоть и вечноживущих) – ко всему привыкать, пробиваясь через всякую тьму. Вот и запах гари стал привычен, и огонь демонических глаз, следящих из черных лесов за путниками на дорогах,

не пугал. Нуаллан знал, это временно, дети богов так просто не сдадутся. Он слышал, что люди в еще большей степени унаследовали силу духа и жажду жизни, однако видеть людей ему доводилось нечасто, в массе попадались ему на глаза дикари из окрестных горных селений близ границ Пралегара. В Аллин-Лирр тоже попали люди, наемники, привлеченные Лехри Трионом для борьбы с демонами. Они, пожалуй, оказались куда диче полуголых горцев. Жадность и жестокость наемного войска шокировали дорана, а что делалось с командирами армий тайного мира описать трудно. У эльфов, никогда не вкушавших чужого плода и не поднимавших руку на брата волосы на головах шевелились. Аллин-Лирр попал в тиски, застряв между ордой из Преисподней, беспринципными орками, пришедшими в тайный мир лишь для того, чтобы осесть в нем, и людьми. Люди не уступали двум своим конкурентам, в узде их держало только крепкое слово Лехри да его серебрящийся клинок. Впрочем, были и другие...

2

Сквозь сон Нуаллан услышал треск ломающихся веток. Привычный к странствиям, таящим всевозможные опасности, эльфийский воин отточил реакцию, научился спать чутко, как кот. Перевалившись на бок якобы во сне, он незаметным движением обхватил рукоять кинжала по имени Деаннтаг – хватать меч-дха Луат было бы слишком броско, – и приоткрыл глаз. Глаза эльфов, имеющие особый разрез, чуть удлиненные, позволяли их приоткрывать так, чтобы со стороны казалось, будто они закрыты. И никому в голову не придет, что этот «спящий» простофиля давно за тобою присматривает. На поляне ярко горел костер, разгоняя ночь, рядом мелькали тени, хриплые голоса приближались со стороны глухой чащи, куда еще днем отправилась Глинис. Кто же мог разжечь огонь? Любого постороннего Нуаллану не составило бы труда определить по шагам, значит, это мог быть лишь другой эльф. Правда эльфы не часто разжигали огонь, не желая навредить окружающим растениям, прибегая к такому освещению в крайних случаях, когда каждая минута в счет идет. Обыкновенно они применяли светящиеся волшебные фонарики, тускло сверкающие и медленно загорающиеся, или обходились собственным зрением, а эльфы могут видеть в темноте хорошо, хоть и не в пример зверям. Костры полыхали у доранов в походах, особо в походах против нежити, по загадочным причинам частенько навещающей в царство короля Аэдана. В разоренном Аллин-Лирре это принималось, вот только единственные эльфы поблизости служили Фойртехерну. Встреча будет теплой! Но тут опять раздались резкие голоса, которых у эльфов отродясь не встречалось.

– Нуаллан, Нуаллан, ты не спишь? – тонко проверещала Глинис. – Ты не будешь возражать против компании?

Доран подскочил, оказавшись на ногах так быстро, что любой враг, надумавший прирезать его во сне, столкнулся бы с неприятным сюрпризом. Деаннтаг уже торчал бы в сердце злоумышленника, а эльф тем временем подхватил бы меч, под который в момент становления на ноги загнал носок. Дха, собственно говоря, и отправился в готовую его принять ладонь. Глинис с растерянным видом отпрянула, подойдя слишком близко, будто не видела ничего зазорного в своем странном поступке. Нуаллан мнение имел конкретное, стоило увидеть спутников целительницы: костер обступили, выползая из леса, диковатые на лица, взерошенные люди в измусоленных грязных шкурах. Сквозь перекрученные овчины проглядывало голое немытое тело, в спутанных бородах застряли сучки и листья. Все были при оружии. Возглавлял людей седой чрезвычайно высокий мужчина с длинной, завязанной в толстую многослойную косу бородой, в руке, словно сплетенной из жил, он сжимал грубый посох. Эльф почувствовал волшебника с расстояния, наследство Туата де Дананн, божественная искра в сердцах эльфийского племени, позволяло им ощущать или видеть силу внутри существ. Этот неопрятный, грязный бродяга, судя по ощущениям, мог заткнуть за пояс иного чародея-мехара из Эльтвиллана.

Нуаллан не сумел сдержать удивления, пристально взглянув на колдуна широкими глазами. Возможно, ему показалось и сила седовласого была не столь велика, однако он готов был спорить – это не обычный смертный. Кого только не привел в Аллин-Лирр зов Лехри. Удивило дорана и кое-что еще... Прожив во Внутреннем Мире долгие годы, Нуаллан усвоил некоторые его правила, хотя не выбирался далеко за пределы владений короля изгнанников. Одним из этих правил являлось пренебрежительное отношение к тем волшебникам, которые продавали свое искусство за деньги, особенно в предприятиях, подобных освобождению мира эльфов. Тайные знания чтились за великое мастерство, для которого должно быть и великое применение.

Люди, поглядывая волками из-под кустистых бровей, прошли к огню, не дожидаясь приглашения, сели и опустили головы. Колдун кивнул Нуаллану и встал поодаль от своих товари-

щей, положив подбородок на сложенные на вершине посоха руки. Эльф, вертя головой, словно спросонья, подошел к Глинис и отвел чуть в сторону.

– Кто это такие? – укоризненно спросил он.

– Ну... – девушка замылась, испытав неловкость. – Они заблудились в лесу, гнались за демонами ночи и заплутали в дебрях, нехорошо было их бросать.

– Демоны, там были демоны?

– Нет, – Глинис по-ребячески тряхнула головой, ее волнистые распущенные из косы локоны мотнулись, как подол платья. – Демоны уходили от погони, они боятся, так сказал тот мужчина с посохом. Он колдун, полагаю.

– И я полагаю, – Нуаллан против воли покосился на старика, притягивающего его внимание. Тот стоял, ничуть не изменив позы, белесоватые глаза вонзились в одну точку, ища что-то за гранью реального мира. – И все же мне не удастся спать спокойно бок обок с людьми. Мы убили одного или двух в Бога-Фроис, а единожды предав доверие, его уже не восстановишь полностью. Люди раскрыли себя, да и привел их сюда запах наживы.

Глинис пожал плечами, присмотрелась к заросшим мужикам у огня и улыбнулась, будто наблюдала за милыми, но потрепанными зверюшками. Что ж, сострадание должно быть основной добродетелью целителя, ведь он обязан искренне желать выздоровления своего пациента. Это тоже часть нелегкой профессии врачевателя. Люди действительно смотрелись жалко, определить, были ли они грязными и оборванными изначально либо стали такими после похода в Аллин-Лирр не получилось бы у самого опытного следопыта Эльтвоиллана, однако доран испытал к ним уважение. Если эти люди готовы были таким образом измотать себя, помогая в борьбе с Пандемониумом, значит, не так уж они плохи. Решив быть дружелюбнее, не теряя при этом бдительности, Нуаллан подсел к гостям. Люди одобрительно закивали, видя его рвение примириться после неудачного знакомства. Седой колдун беззубо улыбнулся, несколько зловеще в тишине ночи и свете костра, и, волоча дубину по земле, направился к остальным.

– Вы голодны, – скорее утвердительно произнесла Глинис, да и догадаться по виду лесных незнакомцев можно было, что ели они не раньше прошлого утра. – Есть грибы, – девушка повертела в руке черно-бурую шляпку, аккуратно срезанную с ножки (которую эльфийские сборщики оставляли всегда), – орехи, ягоды, листья щавеля...

Звонкий голосок целительницы затихал с каждым сказанным словом вместе с ее энтузиазмом. Гости слишком скупно реагировали на предложенные блюда, иногда корча такие лица, будто вместо пищи им предлагали засохшие лепешки грязи и дорожные камни да пыль. Нуаллан потянулся за мешком, где держал пару флаконов с фруктовым пюре – им славился все тот же град Суг-Меаса в былые годы, – и бутылку легкого яблочного вина. Дикари, а в глазах дорана эти люди были не кем иным, как дикарями, переглянулись в ожидании чего-нибудь более аппетитного, однако в итоге разразились недовольным ворчаньем.

– Нет, это не еда, – с сочувствием глянул на эльфа космач, сидящий рядом. – Эй, Долу, припасы-то остались?

Нуаллан даже не надеялся услышать вразумительную речь от своих неожиданных сотрапезников, походивших более на облезлых медведей, чем на людей. Разговаривали они на языке, который был в общем ходу почти на всех сферах Внутреннего Мира, хотя с явным акцентом. Язык больших империй не был для них привычен, пусть они и выучили его хорошо – иначе они не оказались бы тут, в мире, где нынче звенит сталь мечей и золото в тугих кошельках. Верно, они принадлежали к той касте, что рыщет по мирам в поисках легкой наживы, мирам, где платят за умение крепко держать топор и сильно бить. Были среди прибывших в Аллин-Лирр и добровольцы, желающие отстоять правое дело, были любители доброй драки, эти же оказались типичными наемниками. В пользу нуалланова предположения свидетельствовали бряцающие монетами мощны на поясах у дикарей. Это был их задаток, не иначе. Однако теперь с бородачами можно было поговорить.

Широкоплечий мужик с оголенной волосатой грудью, который откликнулся на имя Долу, завозился с грубым кулем, покрытым слоем жира от промокания. По довольному не то смеху, не то рычанию доран определил, что воля товарища исполнена. Долу вытащил за кость закопченную в углях ногу оленя с варварски ободранной кожей. При виде ноги у людей слюна проступила в уголках широких ртов, а Нуаллана передернуло. Краем глаза он заметил, как морщится и прикрывает ладонью ротик Глинис. На память изгнаннику отчего-то явился образ пораженного некромагией оленя из Мертвого леса (название это он дал сам, с облегчением понимая, это ненадолго). Бледное с проступающими венами тело изуродованного животного без кожи чуть не заставило дорана опорожнить желудок в прошлый раз, при встрече, затошнило его и теперь от одной только мысли.

– Мы не едим живых существ, только плоды растений и деревьев. Иногда берем в пищу листья или части стеблей, но так, чтобы не погубить.

– Как знаешь, – пожал плечами тот, что позвал Долу.

– А вы куда путь держите? – почуяв готовность к общению со стороны дикарей, спросил Нуаллан.

– Я Багру, – для начала представился космач. – Я вожак бродяг Биру. Это мы и есть. Нам обещали золото за помощь в войне, да так и не дали всего. Нас загнали в лес чудища, мы там и застряли крепко. Дрались, пока силы не кончились, многих потеряли. А потом вообще заблудились, хорошо чудища ушли дальше. Свое золото мы заслужили по праву, теперь ищем ваших вождей. День назад повстречали одного из вас, он говорил, тут стоит Город садов, где можно отдохнуть и наполнить брюхо.

– Суг-Меаса, – уточнил Нуаллан. – Что же, я и моя спутница направлялись туда же, только вот постель и пищу я не жду получить. До столицы дошли слухи о разорении, что обрушилось на древнюю твердыню.

– И все-таки вы идете туда, – хитро заметил колдун, все время с вниманием слушая беседу.

– А больше мне некуда идти, – с досадой обронил Нуаллан, не заметив, как дрогнул его голос.

– В таком случае, нам вернее будет идти с вами, лесной человек, – почтительно поклонился колдун, замусоленные седые патлы едва заметно качнулись. – Надеюсь, наша компания вас не смутит, я слышал об уединенной натуре ваших собратьев.

Не в пример товарищам, создающим впечатление дремучих дикарей, этот человек говорил понятно и почти без акцента. Однако лицо его выражало такую смесь различных мыслей, что при самом остром желании, доран не смог бы ему доверять. Жизнь за гранью Аллин-Лирра научила его не верить льстивым словам и показательной учтивости. Все же он не стал прогонять незнакомцев, предоставив им возможность провести ночь у костра. Правда, в ту ночь спать ему не пришлось, помимо того, что отдохнуть он успел раньше за те несколько часов, ну и конечно из-за гостей, за которыми предпочел понаблюдать, его тревожили мысли о встрече с сородичами в Суг-Меаса. Что он им скажет, как посмотрит в глаза?

3

Люди мирно спали до зари, никаких попыток обокрасть эльфов (хотя и брать-то с путников было нечего) или причинить им иной вред даже не собирались. После того, как Нуаллан прикинулся спящим, они посидели с полчаса, может больше, переговариваясь на малопривычном из-за акцента языке. Говорили шепотом, и хотя эльфы на слух обычно не жаловались, как и на прочие чувства, понять ничего не удалось. Строили ли они планы против гостеприимных аборигенов, или просто обсуждали прошедший день? Нуаллан не расслаблялся, до конца не научившись доверять людям. И до стычки в Бога-Фроис у него накопились претензии к некоторым представителям человечества, ну а после... С другой стороны, этим бродягам незачем было убивать потенциальных проводников, во всяком случае, сейчас. Выбраться из леса или хотя бы уйти достаточно далеко в неведомом им Аллин-Лирре они не сумеют. Едва ли им светит добраться хотя бы до населенного пункта, а ведь их могут и перепуганные эльфы убить.

Солнечный свет золотистыми струйками потек по юным листикам берез, птицы в первый день после войны снова отважились запеть свои жизнерадостные песни. Повеяло влажной древесиной, капли росы намочили плащ дорана, на котором он провел ночь. От костра остались одни белесые тлеющие угли, среди коих чернели закоптившиеся кости, покинутые в огонь после трапезы. Люди собрались расторопно, пока Глинис складывала в мешок нарваные травы, они уже заканчивали оправлять съехавшие с плеч во время сна шкуры. Кули их похудели за ужин, но кто-то из варваров сходил поутру в лес, назад неся воду в бурдюках и тушу оленя. Поучать людей Нуаллан не стал, хотя надругательство над родным миром и его традициями больно покалывало его сердце. Приходилось считаться с пришельцами, Нуаллан не стал бы лишать их жизни, потому что они не признают понятий эльфов. Суровые условия всего-навсего заставляли их выживать. Хорошо хоть они не забыли sprysnut'ь кострище частью воды.

Колдун тем временем обходил границу поляны, шепча заклинание нараспев. «Чего он добивается?» – задумался эльф. Привесив меч на левое бедро, а кинжал на правое, он захотел выяснить это лично, но замер на первом же шаге. Почему-то желание говорить со странным стариком вдруг отпало. Выкроив минутку перед походом, Нуаллан достал из сумки журнал погибшей сестры и перо. Не запечатлеть встречу с дикими людьми было бы преступлением.

Нуаллан хорошо ориентировался в лесу, а в этом лесу – отлично. Поскольку он сам свернул с дороги в чащу, вернуться обратно не составило труда. Лохматые люди бубнили на своем языке, выкатывая глаза и размахивая руками. Похоже, то, как эльф уверенно и быстро вывел их на проезжую дорогу, они приписали к неким магическим познаниям этого жителя леса. Сами они точно блуждали бы еще неделю. Доран же не стал развеивать их суеверного уважения, поясняя, что знал, куда идти заведомо. Пусть верят, будто эльфы и правда обладают необычными силами, к тому же, это отчасти правда. Но уже на колее дороги уверенность испарилась, ее подменила осторожность. И весьма своевременно. Как знал, Нуаллан замер в зарослях кустарника, перестук копыт послышался со стороны Бога-Фроис. Он кивнул людям, просовывающим сквозь колючие ветки шиповника широкие «обезьяньи» лица, чтобы те не торопились. Главарь прислушался к совету. Он, верно, сам замечательно понимал, что незнакомцам с их внешностью лучше не выпрыгивать на дорогу перед эльфийским патрулем, готовым к неожиданным. Принять этих дикарей за демонов легче легкого.

Доран скрывался по не менее серьезным причинам, а то и более. Дезертировать в такой трудный момент! На вряд ли капитан Фойртехерн станет слушать оправдания про пропавшую семью и личные интересы. Нуаллану самому стыдно было сознавать свой поступок, в душе он клял свое предательство, сердце разрывалось между долгом сына и брата и долгом воина

и защитника Аллин-Лирра. Но раз уж ввязался в историю, нужно идти до конца. Надвинув ветки на лицо, он присел на одну ногу, подбородок положил на колено другой и весь сжался, втянув плечи. Ни один самый зоркий эльф не заметит собрата, если тот так притаился в зарослях, накинув на голову и плечи плащ. И хотя доранские плащи в отличие от салатových плащей саров и зеленых плащей рядовых воинов (как правило, знающих не больше двух танцев войны и называющихся воинами только условно) имели цвет пожухлой осенней листвы, скрыть в кустах или среди деревьев с сочными листьями могли превосходно.

Поднимая маленькие всплески пыли, по дороге скакали три всадника. В отряде Гиллагана кавалерии не было, а единственные кони, тащившие повозки, разбежались от чудовища Вискуса возле Обелиска порчи. Значит, послал их не баннерет, во всяком случае, пришли они не с ним. Возможно, воинов отправил в разъезд капитан Фойртехерн, должно быть, уже достигший Суг-Меаса, издали да еще из засады заметить его герб не получилось. Однако по здравому разумению гонцы капитана должны были двигаться с другой стороны, от Города садов. Нуаллан проводил их взволнованным взглядом, стыдясь своего положения: знатный воин при дворе Аэдана прятался от сородичей, как последний разбойник. Люди дико зыркали на эльфов, вертя в руках дубины и топоры.

– Вы не поднимете оружия на эльфа, пока мы идем одной тропой, – строго сказал он варварам.

– Мы не поднимем, – пообещал колдун, – но они сами могут. Наше племя никогда еще не позволяло убивать нас без боя.

– Они не станут, – уверил Нуаллан, тут же засомневавшись. В последнее время для обитателей Аллин-Лирра многое изменилось, война переделала эльфийский народ, сердца ожесточились, пройдя через демоническую печь. – Нужно держаться дальше от дороги, – изменившимся тоном сказал доран, пятясь в кусты.

Глинис поморщила носик и с сомнением покачала головой.

– Тут два шага до Суг-Меаса, можно перебежать дорогу и уйти полями.

– В полях нас даже слепой заметит, – возразил Нуаллан. – А тут полно соколов Фойртехерна, взгляни, вон они кружат. Если здешние леса не сильно изменились за годы моего отсутствия, я смогу провести нас окольным путем. Так мы с друзьями ходили к реке Алльт Гарб, что впадает в Поющее море на юге и течет параллельно с Золотой рекой восточнее. Это дольше, намного дольше, но иначе не получится.

Отведя целительницу в сторону, так, чтобы дикари не могли его услышать, доран пояснил:

– Я не уверен, что мы пройдем без последствий. Я знаю суровый нрав Фойртехерна и Гиллагана, у меня хватило времени с ним познакомиться. Наверняка капитан стражи уже решил, какой толщины веревка выдержит мою шею. А в такой компании нас вообще примут за предателей, при встрече пустят стрелу в сердце. Эти люди кажутся нехитрыми, однако я не могу за них ручаться, а что же взять с наших воевод?

– Да я нутром чую, дело плохо кончится, – взмолилась громким голосом Глинис. – У меня бывают предвидения, я вижу кровь... Давай не пойдем...

– Пусть оно плохо кончается, но уже там и для меня одного. Если бы только добраться до стен Города садов, тогда мы затерялись бы на его цветущих улочках или в Садах Мэлдуна, – вдруг доран замолк и обхватил голову руками. – Что я творю? Дану, прости меня! Зачем я влез в это? Как найти теперь родню? Их обвинят в соучастии... Пусть боги судят, – вернул он самообладание так же резко, как потерял его минуту назад. – Будь, что будет, но обещаю тебе, Глинис, что поможешь мне, пока это не станет опасным для тебя. Я же в свою очередь обещаю тебе, как только мы доберемся до отряда эльфов, я отведу тебя к ним.

Девушка воздушно улыбнулась, по-сестрински обняла Нуаллана, хотя на ее лице еще виднелись тени страха и сомнения, и побежала за оставленной сумкой. Изгнанник поднялся

с колен, еще раз проверил дорогу, от которой веяло опасностью, и обратился к людям, слоняющимся меж деревьев.

– Пойдем через лес, доверьтесь мне и поклянитесь, что и я могу довериться вам. В конце вы получите золото, причитающееся вам по праву.

4

Ветви нагнулись над головами путников темно-зеленой бесконечной аркой, Нуаллан решил сделать приличную дугу, чтобы уж наверняка миновать дорожные патрули. Из-за этого они бродили до вечера, удаляясь от дороги в самую глушь. Но в этой части хвойного бора он ощущал нечто чуждое и опасное. Рядом с Суг-Меаса произошло что-то необычное, падение защитной башни и ее взрыв, все это выбросило слишком много магической силы и могло порвать ткань Мироздания. Эльф отчетливо почувствовал запах мертвечины, нежить все еще рыскала вокруг сокрушенного демонической ордой города. В туманной гряде стволов мелькали странные тени, люди тоже увидели их.

Колдун остановил соплеменников и созвал их в круг. Нуаллан недовольно фыркнул и отошел к ближайшему дереву, откуда мог наблюдать за производимыми спутниками действиями. Старик, упорно умалчивающий свое имя, словно, вскрой он его, узнавший это имя, получит над ним власть, полез в суму. Поводив пальцами, похожими на корни, в грубом мешке на ремне, висящем у него на плече, колдун вытащил плетеную куклу. Люди склонили косматые головы и забормотали громким шепотом какие-то тайные слова. На шее у каждого также висел оберег из кости или зуба, дикари взялись за них и оттянули по направлению к кукле во всю длину шнуров. Старик начал громко говорить непонятные эльфам слова, угрожающе тыкая в темноту погружающегося в ночь леса.

Дорану почему-то сделалось неприятно от этого ритуала «ругания» духов смерти. Старый заклинатель с острыми, неестественно молодыми глазами продолжал кричать на тени, и, похоже, это действовало. Судить было сложно, Нуаллан даже не сказал бы со всей уверенностью, что поблизости действительно рыщут адарсахцы. Лишь особенное чутье, врожденное у всякого эльфа, этот дар божественных прародителей, предупреждало о таинственной опасности.

– Нежить боится серебра, железа, воды и огня, – попытался он вразумить варваров из чуждой страны.

В дополнение слов он вытащил из дорожной сумки защитный амулет, которыми пользовались все дораны, в родном Аллин-Лирре они были не нужны. Им оказался изящный крест, вылитый из чистого серебра, с кругом на верхнем конце – древний символ жизни и зарождения. Такие же кресты часто встречались в городах тайного мира, но тут они опять-таки носили больше декоративные функции. Дха Нуаллана также имел полосу серебра, идущую по канавке на лезвии. В местах, куда закинула его судьба после изгнания во Внутренний Мир, иметь дело с нежитью приходилось часто, поэтому знающий слабости оживших Лехри доранов, Аэдан, повелел добавлять этот животворный металл в оружие. Сейчас его мудрое решение могло спасти не одну жизнь. Эльфы умели ковать необычное оружие, серебро и вложенные в клинок заклинания позволяли развеивать даже нематериальных духов и фантомов Адарсаха всех мастей, исключая если только самых могущественных среди них.

В вязком, тяжелом сумраке проступила узкая фигура, похожая на человеческую, состоящая из черно-серого дыма. С другой стороны поляны изгнанник заметил еще двоих незнакомцев. Вероятно, их было гораздо больше, но действия старого шамана, неистово вскидывающего длинные жилистые руки и кричащего на странном рычащем языке, не подпускали их. Глинис стояла в недоумении, затем вдруг резко спохватилась – такая спонтанность проследивалась у нее во всем, – и полезла в свою сумку. Специально ли она брала в дорогу искрящийся, напоминающий кристаллики соли порошок или это вещество выдали еще во дворце, однако, очевидно, он обладал свойством отпугивать мертвых. Целительница несколькими жестами сеятеля, разбрасывающего по полю семена, развеяла серебристую пыль кругом, после чего вцепилась в свой крест-амулет.

Неведомые тени носились меж деревьев, Нуаллану слышался их вой и стоны, но совместные усилия отряда странников держали их на почтительном расстоянии. Спустя десять минут, показавшиеся часом, духи скрылись в темном лесу, больше не показываясь. И все-таки встреча, закончившаяся без происшествий, наложила отпечаток страха как на дремучих звероподобных дикарей, так и на величественных детей богов.

– Этот лес проклят, – важно заявил колдун, хотя для каждого, кто стоял на туманной полянке среди елей, это было очевидно. – Война оставляет много боли после себя, а боль рождает злых призраков.

– Не похоже, чтобы вы относились к войне негативно, – небрежно бросил Нуаллан, следя за мрачными стволами, словно плавающими на глади черной воды.

– Нам все равно, – холодно ответил колдун, блеснув «стеклянными» глазами.

«Дикари», – мысленно покривился эльф, покосившись на сторбленных волосатых людей. В стремительно упавшей на Аллин-Лирр темноте они еще больше походили на животных, на громадных обезьян, засевших среди кустов и деревьев.

– Пойдем отсюда, – толкнула в бок дорана Глинис. – Мне тут страшно.

Нуаллан торопливо осмотрелся, покидать поблескивающий в свете Агайд Д'ойдхе, ночной звезды тайного мира, круг из волшебного порошка. Целительница так щедро его разбросала, что, скорее всего, он кончился. Погладив скользкое, словно лед, лезвие дха, эльф кивнул в темноту. Люди по-звериному заворчали, взялись за топоры и дубины, куда был вбит толстый гвоздь-клюв, и боязливо побрели вслед за местными жителями. Доран вынул из-за пояса круглый кристалл на цепочке, доставшийся ему в качестве трофея от одного колдуна из Пралегара. Тогда местные племена сильно страдали от его «забав» вроде похищения людей и превращения их в каких-то гибридных уродов. Вот и пошли к доранам, просили помочь, и Аэдан в конце концов согласился. Честь сразить злодея как раз досталась Нуаллану, как и уйти вместе с волшебным светящимся шаром, которым колдун светил в лабиринте, ведущем к лаборатории. И намучались же с ним тринадцать воинов-доранов, которых послал король. Шар вспыхнул синеватой звездочкой, достаточно яркой, чтобы можно было не сбиться с конкретного пути, а Нуаллан знал наверняка, куда он следует.

Враждебные дымчатые тени последовали за вереницей, и, если бы ее не завершал старик-шаман, то кто-нибудь мог погибнуть от их невидимых лап. То и дело разносились сердитые окрики, отгоняющие наиболее наглых призраков. Ели разворачивались, словно свиток с рисунком, казалось, нет им конца. Ветви их опутывали густые махры паутины, какие Нуаллан уже видел в другом зараженном некромагией лесу, выступающие из земли корни потонули в тумане, зеленые призрачные огни моргали на трухлявых пнях. Так они шли очень долго, небо, те его клочки, что виднелись среди разлапистых ветвей, стало совсем темным, почти черным и беззвездным.

Нуаллан оглянулся, чтобы в очередной раз подсчитать идущих позади людей, как рядом с его ухом свистнула стрела, звонко вонзившаяся в ствол старой ели, больше похожей на дуб. Изгнанник шарахнулся, подняв Луат к лицу – так ему было проще отбить следующую стрелу, если она полетит в голову.

– Именем королевского следопыта Ринана, стойте! – крикнули из темноты на чистом эльфийском языке.

Тут бы впору было обрадоваться встрече с сородичами, только для дорана не имело значения, на демона он натолкнется, на мертвеца или на эльфа. Возможно, этот Ринан послан как раз за ним. Пятеро воинов в серо-зеленых плащах показались из кустов, держа людей на прицеле. Волосатые мужчины замешкались, то ли собираясь дать деру, то ли наброситься на чужаков. Колдун единственный остался в гордой позе, выпрямив спину и положив большие морщинистые пальцы на посох. Нуаллан вышел вперед, показывая собратьям руки. Предводитель

следопытов мельком глянул на меч и кинжал, он прекрасно знал, что если доран не держит оружия, это еще не значит, что он не сможет извлечь его в долю секунды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.